

— Это — папа? Папа, да? — Пятилетняя Светланка прошлёпала босыми ногами по потёртому линолеуму и повисла на руке матери.

— Да, милая, папа... — кивнула женщина, стараясь не уронить со стола, застеленного пожелтевшими «Известиями», рижский телефон с бежевым треснувшим корпусом. — Когда приезжаешь?

— Мамочка, дай мне трубку! Пожалуйста! Мне так много нужно рассказать папе, — девочка отпустила руку матери и запрыгала от нетерпения.

— Куда босиком? — Пришла в ужас Зинаида Валерьяновна, вахтёрша общежития. И немедленно подхватила Светланку. — Заболеешь!

— Пустите, тётя Зинаида! — Потребовала девочка и начала вырываться, но вахтёрша — пусть и миниатюрная пенсионерка с многолетним стажем — оказалась сильнее. — Папа звонит! Пустите!

— Сейчас мама поговорит, и тоже сможешь пообщаться с отцом, зайка, — Зинаида Валерьяновна, от которой вкусно пахло домашними булочками и малиновым вареньем, свободной рукой запахла вязаную кофту.

Светланка выскочила из комнаты в трусиках и маечке. На улице хоть и середина мая, но суровая Балтика не позволяла забывать о себе.

— Мне надо срочно сказать папе что-то очень-очень важное! — Девочка продолжала ёрзать, и матери пришлось сдаться.

Вахтёрша сдвинула гранёный стакан с чаем и усадила Светланку на стол, после чего заботливо завернула в плед, отчего она стала похожа на куколку в коконе.

— Тут доча хочет с тобой поговорить... Ты только недолго, милая. Папа звонит из другого города. Далеко-далеко от нас.

— Папа, здравствуй! — Девочка схватила перемотанную синей изоляционной лентой трубку с такой скоростью, как будто боялась, что та упорхнёт от неё, как напуганная птица с ветки. — Я вчера помогла котёнку! Рыжему полосатику. У него была сломана лапка и ухо разорвано. Я посветилась, и он выздоровел. А потом мы его молоком напоили. Он сначала боялся, но потом целую бутылку выпил!

— Ты молодец, Искорка, — отца было слышно не очень хорошо. — Я горжусь тобой.

— Теперь я могу помогать не только траве, кустикам и деревьям, но и животным и птицам! — Светланка буквально захлёбывалась от восторга. — Папа, а когда я смогу лечить людей?

— Скоро, Искорка. Совсем скоро. С каждым днём ты разгораешься всё сильнее. Не знаю, как далеко это может зайти, однако, если всё будет продолжаться в том же духе, то врачи в Светлогорске больше не понадобятся.

— Я буду всех лечить! Мне ни капельки не трудно... Ещё я вчера вылечила Ромкину черепашку, — похвасталась девочка, заставив мать и вахтёршу улыбнуться. — Она не могла кушать. Свет ей помог. А ещё...

— Милая, заканчивай, — попросила мать, видя, что Светланка начинает увлекаться. Междугородные звонки — не дешёвые. — И Зинаиде Валерьяновне могут позвонить. Или кому-нибудь из соседей. Мы же не одни тут живём.

— Когда ты вернёшься, папа? — Услышала мать девочка. — Я сильно-пресильно по тебе соскучилась!

— Я тоже по вам очень сильно скучал. Я приеду завтра, Искорка. Рано утром — ты ещё спать будешь.

— Я не буду ложиться! — пообещала Светлана, и мать погрозила ей пальцем. — А буду тебя ждать! Всю ночь! Правда-правда!.. Ты больше не уедешь?

— Не знаю, Искорка. Я хотел бы не уезжать, но денежки нам просто так никто не даст. Их нужно зарабатывать, ведь у тебя скоро будет братик.

— Ты можешь работать здесь, папа. Я научу тебя светиться. И братика научу. Это совсем не сложно. Надо лишь...

— Милая... — мать накрыла ладонью руку Светланы.

— Мама у меня трубку забирает, — пожаловалась девочка и надулась.

— Научиться светить нельзя. К сожалению... Поболтаем завтра, Искорка.

— Целый день? — От печали не осталось и следа.

— Целый день, — в трубке послышался добрый смешок.

— Честно-честно?

— Обещаю.

— Я отнесу тебя домой, зайка, — вахтёрша взяла девочку на руки и направилась к комнате Бахтиных. — Ты ещё поспи. Рано вставать.

— Мой папа приезжает, тётя Зинаида! — поделилась радостью Светлана. — Знаете, как это долго, целых шесть месяцев? Можно с ума сойти. Так говорит мама. Папа приедет и расскажет мне про белых медведей. Он про них в письме писал.

Вернувшаяся мать застала девочку в кровати, где та, обняв плюшевого медведя, из последних сил боролась со сном под сказку о Буратино.

— Спасибо вам, Зинаида Валерьяновна! — зашептала мать.

— Обращайтесь, Ирина. Всегда рада помочь, — тоже шёпотом сказала вахтёрша и отложила потрёпанную книгу.

— Мамочка, а почему папе нужно уезжать? — спросила Светлана, прижимаясь к матери. Она была тёплая и мягкая.

— Почему? — Женщина задумалась: обычный ответ тут не годился. — Потому что он очень сильно нас любит. Спи, милая.

— Вставай, соня! Опоздаешь в садик, с твоей любимой куколкой будет играть другая девочка, — мать нежно почесала девочку за ухом. — Не такой ленивец, как ты.

— Я не соня! — возмутилась девочка.

Ленивцев показывали в телепередаче «В мире животных». Животные симпатичные, только очень неспешные и спать очень любят. Выскочив из кровати, Светланка сунула ноги в отцовские тапки и бросилась к умывальной комнате.

— Кто последний, тот ленивец!

— Нос не расшиби! — Мать взяла с тумбочки кусок детского мыла в пластмассовой мыльнице ядовито-зелёного цвета и полотенце.

— Не волнуйся, мамочка! — Встав на цыпочки, девочка дотянулась до смесителя, подставила руки под струю чуть «летней» воды и начала задорно плескать себе в лицо.

— Уши не забудь помыть, — стараясь не попасть под брызги, женщина отдала мыло дочери.

— Не забуду! — Какое-то время Светланка была занята тщательным намыливанием: закрыв глаза и плотно сжав губы, водила мылом по лицу, ушам и шее. — Брррр. Холодная!

— Детям нужно закаляться.

— Мамочка, а почему я начала светиться?

— Не знаю, милая, — женщина вытерла девочку и причесала её. — Ты родилась такой. Медсестра в роддоме нам с папой ещё сказала, что у тебя особый дар — помогать живому. И мы должны беречь тебя, как самое дорогое сокровище. Потому что такие, как ты, раз в тысячу лет рождаются.

— Но ведь ни ты, ни папа не светитесь. Отчего я не похожа на вас?

Женщина в ответ лишь пожалала плечами. Что она могла сказать дочери?

— Выходит, я неправильная? — В вопросе прозвучала обида. Сильная оттого, что все вокруг были другими. Не такими, как Светланка.

— Ты — особенная, — мать погладила дочь по влажным волосам. Девочка обняла её. — И не должна подстраиваться под кого-то... Будь собой.

— Даже если все будут обижать меня?

— Тебя кто-то обижает? — Нахмурилась женщина.

— Нет, мамочка. Я дружу со всеми. Даже с врединой Антошкой. Он не драчун, ему просто не хватает тепла. Когда я стану светиться сильнее, я посвечу его. Он будет другим.

— Ты — моя умница. — Мать поцеловала Светланку. — Пойдём, пока каша не остыла.

— Опять манка? — скривилась девочка.

— Она очень полезная. Если хочешь вырасти быстрее, надо кушать манку.

— Ну, если без этого никак... — Светланка не хотела говорить матери, что готова съесть целое ведро противной манки. Или даже два. Только б поскорее стать взрослой. Тогда она сможет светиться в полную силу.

После завтрака девочка почистила зубы, быстро оделась (сама, ведь она уже совсем большая) и под руку с матерью направилась в детский сад.

День обещал быть хорошим. И делало его таким не ласковое, почти летнее солнце, не тёплый ветерок с моря, не птичий перепев, а то, что завтра приезжает отец.

— Скорее б пришло это «завтра»! — в сердцах вскрикнула Светланка. Отец был её самым лучшим другом. Он даже лучше Анечки. — Мамочка, а почему нельзя сделать так, чтобы закрыл глаза — и уже завтра? Не надо ждать.

— Может, и можно, но никто ещё не придумал, как это сделать. Так что остаётся лишь ждать. Час за часом.

— Это так долго, — тяжело вздохнула девочка, однако в следующее мгновение её взгляд приковала сломанная ветка молодой липы. То ли мальчишки-хулиганы обломали, то ли ещё как... — Деревцу больно!

Перелом был окрашен в красный цвет. Светланка выдернула руку из ладони матери и осторожно коснулась ветки. Красный — это не чёрный. Ветку ещё можно спасти.

Где-то в груди начал разгораться огонь. Всё сильнее и сильнее. Девочка соединила две половинки и, когда тепло добралось до кончиков пальцев, засветилась...

Перелом сросся прямо на глазах, изменив цвет на серебряно-золотистый. Девочка отпустила ветку, и та закачалась. словно благодарила за помощь.

Едва завидев ребят, собравшихся на спортивной площадке, Светланка ускорила шаг — мать едва поспевала за ней.

— Не лети!

Куда там... Девочка проскочила калитку и, выкрикнув «Здрассте!», присоединилась к хороводу, чтобы спустя мгновение сгибать и разгибать руки вслед за тренером — Юлией Александровной. Дети были от неё без ума. Для них «тётя Юля» была ровесницей, другом и партнёром по играм. С совсем ещё юным тренером было безумно весело — от задорного детского смеха и визга закладывало уши.

— Сегодня тебя заберёт Зинаида Валерьяновна, милая.

Сначала день тянулся медленно. Будто мёд со смешной деревянной ложки, когда дед зачерпнул его из глиняной плошки. Затем побежало — после занятий воспитательница Валентина Антоновна позволяла ребятам играть во что вздумается.

— Чур, я буду Айболитом! — воскликнула Светланка.

Никто не возражал. Первым вызвался проходить медосмотр Андрюшка.

— На что жалуетесь, больной?

Стетоскоп у ребят был настоящим. Правда, из дерева, а не железный. Его отдала в группу медсестра тётя Люба.

— Коленки поцарапал, когда в футбол играл.

На самом деле болели у Андрюшки не коленки. На левом лёгком росло угольно-чёрное пятно. А Светланка не могла светиться так ярко, чтобы вылечить Андрюшку.

И очень из-за этого переживала. Тут сколько манки ни съешь, достаточно сил не наберёшься. Рак — так называли болезнь взрослые.

Девочка провела рукой по одной коленке, затем по второй.

— Мне лучше, — заулыбался Андрюшка, хотя Светланка ничего и не сделала. — Ты самый-самый хороший доктор!

Во время прогулки, когда детвора с криками носилась по площадке, Андрюшка подарил Светланке жука. Большого и красивого.

— Я ещё для тебя поймаю! — пообещал Андрюшка. — Сто тыщ жуков!

— Спасибо! — Девочка выпустила жука на свободу. Его цвет был светло-серым. Но это не от болезни, а от страха. Как только ноги жука коснулись земли, он тотчас сделался золотистым. — Давайте играть в догонялки!

Детвора играла в салочки. Затем всей группой пинали по площадке резиновый мяч. Было весело.

— Дети, строимся! — У Валентины Антоновны ушло самое малое десять минут на то, чтобы собрать вместе неугомонную толпу, пребывающую в броуновском движении. — Песню запевай!

— Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам... — нестройно затагнули мальчики и девочки, взявшись попарно за руки.

Ладошка у Андрюшки была горячее, и Светланка едва не расплакалась от того, что света для него недостаточно. Вот если б она была взрослой. Или кто-нибудь ей помог...

— Когда вырасту, стану космонавтом, — с полной серьёзностью заявил Андрюшка в раздевалке. — И назову новую звезду как тебя.

— Дети, моем руки и садимся кушать! — От приготовленного тётей Тамарой супа в животе заурчало, и Светлана поспешила занять своё место. Только взяла ложку и хлеб, как вдруг ощутила страх. Такой сильный, что захотелось убежать от него далеко-далеко и спрятаться.

Девочка выскочила из-за стола и кинулась к окну.

— Светлана, ты куда? — спросила Валентина Антоновна.

Отдёрнув занавеску, девочка увидела, как со стороны моря к детскому саду быстро приближается чёрно-фиолетовое облако.

— Светлана, ты чего вскочила?

— Валентина Антоновна, нам надо бежать! — Девочка схватила воспитательницу за руку и потащила к выходу с силой, которую никак нельзя было ожидать от пятилетнего ребёнка. — Всем бежать.

— Что случилось, Светлана? — Забеспокоилась женщина. — Ты чего кричишь? Чего-то испугалась?

— Беда, — выдохнула девочка, однако сдвинуть с места воспитательницу не смогла.

— Что ты такое говоришь? — Испуг проявился сильнее, но приближения облака Валентина Антоновна не чувствовала. И другие дети тоже.

— Скорее! — Сердце девочки бешено колотилось. Черно-тот с густеющим фиолетовым оттенком неумолимо надвигалась, а без помощи взрослых эвакуировать ребят Светлана не сумеет. — Бежим!

— Да что случилось?

И тут Светлана осознала — не успеть...

Девочка рванула к окну и, выставив руки на манер щита, засветилась изо всех сил, прикрывая друзей и взрослых...

Искорка, гори!

А в следующее мгновение двухэтажное здание потряс чудовищной силы удар — ополовиненный фюзеляж АН-24Т, потерявший при падении обе плоскости и шасси, на высокой скорости протаранил детский сад. Здание осыпалось, будто карточный домик от дуновения ветра. Авиационное топливо в считанные секунды поглотило в своём пламени всё живое...

— Ты как прошёл? — изумилась вахтёрша при виде главы семейства Игоря Бахтина с вещмешком за плечами. — В городе же комендантский час.

— Учения, что ли? — Где мужчина взял огромный букет красных роз посреди ночи, оставалось только догадываться. — Дайте ключ, Зинаида Валерьяновна. Не хочу будить своих.

Вахтёрша, не в силах сдержать слёз, заревела в голос, и Игорь Бахтин плеснул в гранёный стакан воды из трёхлитровой банки.

— Вы чего, Зинаида Валерьяновна? Вам плохо? Сейчас я врача вызову...

— Светланка вчера при аварии самолёта сгорела, а Ирину твою «скорая» забрала, — подвывая, объяснила вахтёрша. — Выкидыш у неё случился от нервного расстройства...

Трубка с грохотом упала на пол и раскололась. Мужчина резко отпрянул, а затем подскочил к вахтёрше и затряс её, как собака тряпичную куклу.

— Скажите, что это неправда!

Зинаида Валерьяновна только зарыдала сильнее.

Отец со всех ног кинулся в комнату. Такими вещами не шутят, но слова вахтёрши не могли быть правдой. Вышибив плечом двери, мужчина остановился посреди комнаты. Вроде бы всё, как и раньше...

Около фотографии Светланки, понутив голову, сидел плюшевый медведь, а стул у кровати дочери был опрокинут. Да ещё на полу лежал открытый флакон валерианы.

— Нет, этого не может быть... Только не с Искоркой...

Резкий запах ударил по ноздрям и заставил мужчину сорваться с места. На ходу сбросив вещмешок, отец рванул к детскому саду...

Садика словно никогда и не было. На его месте расцвела огромная клумба. Свежий дёрн перечёркивали аккуратные дорожки из битого красного кирпича. Высились молодые деревца. И только резко пахло керосином...

Шестнадцатого мая тысяча девятьсот семьдесят второго года при крушении Ан-24Т двести шестьдесят третьего отдельного транспортного авиационного полка авиации Балтийского флота СССР погибли тридцать пять человек: восемь членов экипажа, три сотрудника детского сада и двадцать четыре ребёнка в возрасте от двух до семи лет.